

Виктор Ерофеев представляет писателя

Марина Соколова

АФРИКАНСКИЙ
РОМАН

Марина Соколова
Африканский роман

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2013

Соколова М. Д.

Африканский роман / М. Д. Соколова — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2013

Творчество Марины Соколовой пронизано самоиронией. Однако это не единственное его достоинство. В данной повести за кажущейся лёгкостью и затейливостью сюжета, рассказывающего о жизни советских специалистов в Алжире в 70—80-х годах прошлого века, скрывается мудрый взгляд настоящего, зрелого писателя. Книга будет интересна самому широкому кругу читателей.

© Соколова М. Д., 2013
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2013

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	15
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Соколова

Африканский роман

В оформлении книги использованы фотографии автора

© М. Соколова, 2013

© Продюсерский центр Александра Гриценко, 2013

© Издательство Виктора Ерофеева, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Дорогой, уважаемый, любимый Читатель!

Я представляю на твой благосклонный суд свою буйную литературную фантазию. Впрочем, она разбавлена изрядной долей реальности. Правда заключается в том, что на севере далекой жаркой Африки есть очень красивая страна – Алжир. В горных районах Алжира живут гордые, умные, своеобразные люди, которые зовутся кабилами. Во второй половине двадцатого века в живописном кабийском городке Сиди-Аише находился советско-алжирский Центр обучения. В этом месте двадцатилетней студенткой я работала переводчицей, выросла, развивалась, любила и ненавидела. За прошедшие годы ненависть полностью улетучилась, а любовь осталась навсегда – к незабываемому Алжиру, к его достойному народу. Я уверена, что ты, всепонимающий Читатель, поделишь мои чувства и привязанности.

Твоя Марина Соколова

1

Наконец к Ларисе вернулась комфортная самоуверенность. Она мерила коридор величественной поступью и прислушивалась к упорядоченным мыслям. Они утихомирились вчера пополудни, когда стало ясно, что Алжир уже не за горами. Лариса окинула взглядом французский текст и обрела долгожданный покой. Текст был на удивление простой, пожалуй, даже примитивный. В институте переводы попадались несравнимо сложнее. Вообще испытания будущих переводчиков отдавали фиктивностью. Казалось, они не могли напугать даже Вольдемара, хотя в преддверии финальной оценки посредственный Вольдемар (в быту – просто Вова), не скрывая, нервничал. «Вдруг *они* спросят, как по-французски будет, например, склеп?» – жаловался он Полю (по-простому – Павлику Морозову). «В твоём возрасте пора знать, что такое склеп», – тривиально острил Павлик. «Сам он, вероятно, рассчитывает на свой бежевый костюм», – слегка позлорадствовала Лариса. Знаменитый в узких кругах костюм Поля оставлял её равнодушной. Все французские группы втихомолку потешались над нездоровым интересом Mme¹ Вайнтрауп к действительно неординарному костюму Павлика Морозова. Гроза франкоговорящих студентов от бежевого костюма впадала в необъяснимый раж и в таком состоянии была способна раздавать пятёрки направо и налево. Ларисе тоже перепадало от её щедрот, но она привыкла рассчитывать на свои собственные силы. Она *сама* поступила в институт, *сама* хорошо училась, *сам* а вышла в первые студентки и теперь *сама* по едет в Алжир переводчицей. Не одна – вместе с четырьмя другими студентами, но без посторонних влияний. Сейчас откроется волшебная дверь – и Лариса войдёт в новую, неизведанную жизнь. *Они* скажут ей напутственные слова, с которыми она прибудет в далёкую африканскую страну, променяв размеренное московское существование на затейливый мир, богатый приключениями.

В начальническом кабинете *они* оказались в единственном числе. *Он* разместил студентов в приказном порядке и напористо поинтересовался их отметкой по французскому языку. «Ему недостаёт интеллигентности», – подумалось Ларисе, приученной к институтским взаимоотношениям.

На экзамене Барановская оценила её успехи «хорошей четвёркой».

Компетентная Барановская прекрасно знала, что экзаменационный день совпал с Ларисиним днём рождения. Излучая доброту, она поздравила любимую студентку, но... истина ей была дороже. Ларису отметка отнюдь не расстроила, потому что на экзаменах ей редко удавалось сконцентрировать внимание и взять себя в руки. Павлику крупно не повезло: экзамен принимала не Вайнтрауп, ничем другим, кроме впечатляющего костюма, впечатлить Барановскую ему не удалось, и в результате он тоже схлопотал четвёрку. Власовке и Ире как раз повезло: им попались вожделенные билеты, они блеснули – и вырвали у Барановской по пятёрке. Что касается Вольдемара, то он по привычке заработал нормальную тройку. Однако в кабинете, в котором решалась если не судьба, то, по крайней мере, карьера и материальная обеспеченность будущих переводчиков, Вова покривил душой и тройку заменил на четвёрку. *Он* укоризненно покачал головой и попенял студентов недостатком квалификации. «Посылаем людей с ограниченным кругозором, – недовольно высказался о н, – а потом удивляемся отношению к нашей стране». После всего этого Лариса всё же услышала напутственные слова, которые её настигли по ту сторону начальнической двери. К ней присоединились Ира, Павлик и Вова, в то время как Власовка (согласно паспорту – Ольга Валерьяновна Власова), по просьбе начальника, «на минутку» задержалась в кабинете. «Минутка» растянулась на полтора часа, но неунывающие переводчики с лёгкостью убили время шутками и прибаутками. Власовка вышла из кабинета, как обычно, без лишних слов, но и без лица. «Всё в норме?» – чуть слышно

¹ Мадам (здесь и далее в сносках – перевод с французского. – *Ред.*).

спросила деликатная Ира. «В целом – да», – сухо ответила Власовка. «А почему задержал?» – мягко поинтересовалась Лариса. «Из-за фамилии», – сжато изложила Власовка. «Это что – военная тема?» – уточнила любопытная Лариса. «Да нет, скорее «невозвращенцы», – усмехнулась Власовка. «Невозвращенцы», – тупо повторила отставшая от жизни Лариса. «Газеты надо читать, девушка», – наставительно посоветовал Павлик Морозов.

Лариса не любила читать газеты, плохо разбиралась в «невозвращенцах», более того: она терпеть не могла политику. Заоблачной политике девушка предпочитала земную любовь. Но... до сих пор любовь обходила её стороной. Нельзя сказать, что в её жизни не было влюблённостей. Лариса навсегда запомнила своё первое увлечение. Это произошло до детского садика, совершенно точно: детсадовский Миша был её вторым увлечением. Первое увлечение звали «дядя Фёдор». Он сидел по правую руку от бабушки и, не отрываясь, следил за игроками. Стояло ведро, и мужчины разумно пользовались погодой. От нелёгкого деревенского труда они неторопливо отдыхали за карточной игрой. Ларисе нравилось наблюдать мелькание карт и слушать скупые мужицкие комментарии. Время от времени кто-нибудь выстреливал солёным словом. После скабрёзного анекдота бабушка искоса взглянул на внучку и полушёпотом сказал: «Доня, пойдёшь к маме. Она тебя ищет». Позже выяснилось, что бабушка солгал из педагогических соображений. Лариса догадалась, что вблизи чужих мужчин ей нет места. И ещё она поняла, что ей очень хочется видеть того, кто сидит по правую руку от бабушки. Причём чем чаще – тем лучше. И она стала *его* выслеживать. Заблудиться было сложно, потому что *он* жил через две хаты. Детское сердечко тянулось к *нему*, как подсолнух к солнышку. *Он* источал неизъяснимую истому, которая распространялась по всему тельцу.

Когда Лариса выросла, она узнала, что это было ощущение любви. С первым ощущением любви она рассталась у бабушки в деревне, со вторым – в детском саду, с третьим – в школьном дворе... Сколько их было – томительных предчувствий, но – ни одной настоящей любви. Как ни странно, ощущения остановились на пороге института. Вова, который выдавал себя за Вольдемара, вызывал только смех, но никак не истому. Павлик Морозов, он же – Paul Morosoff², вообще не вызывал никаких эмоций. Кроме них, на факультете учились ещё несколько парней, один из которых очень быстро уехал в Израиль, так что просто не успел ничего вызвать. Оставшиеся в мизерном количестве были заняты другими девушками – и уже поэтому вне всяких интересов. Да во всём Педагогическом институте парней насчитывалось не больше двух-трёх десятков! Не жаловали они педагогику: не выгодно и не престижно. Почти все и собрались на факультетах иностранных языков, где были военные кафедры, а значит – спасение от армии. Однажды краем уха Лариса услышала, что где-то на историческом факультете затесался подходящий экземпляр. Но увы! Прошло то время, когда она преследовала мужчин в поисках несказанной истомы. Лариса уже давно ни за кем не бегала; ей нравилось, когда бегали за ней. Среди преподавателей также изредка попадались мужчины. Но они выглядели недостижимыми или малопривлекательными. Впрочем, один из них, преподаватель теоретической фонетики, ей снился целый семестр. Девушке было стыдно, и она никому про это не рассказывала. Во сне Лариса частенько занималась с ним любовью. Это было ещё стыдней... но так приятно! А наяву преподаватель внушал одну враждебность – из-за того, что скупился на пятёрки. Вне всякого сомнения, были... были мужчины за пределами института. На Ларису обращали внимание на улице, в кафе, в ресторанах, на дискотеках, в кинотеатрах и в других театрах, в цирках, на концертах... в магазинах и в музеях! В общем, где бывала, там и обращали внимание. Подходили знакомиться. Она почти никому не отказывала. Часто короткое знакомство заканчивалось вместе с короткой прогулкой по улице Горького. Иногда – после первого или второго поцелуя. Целовалась лишь тогда, когда очень хотелось, – требовала созревшая плоть. Но ни до, ни во время, ни после поцелуев не испытывала ничего другого, кроме полового влечения.

² Поль Морозов.

Истома перешла в небытие. А о настоящей любви приходилось только мечтать. Периодически у Ларисы создавалось впечатление, что в реальной жизни такой любви не существует вовсе. По крайней мере – в её понимании этого чувства. Nadine Chareau³ меняла любовников как перчатки и физическую потребность выдавала за любовь. Нет, к истинной любви это не имело никакого отношения. Лариса сама была не без греха: поцелуй дарила без любви, но до постели никого не доводила. В отличие от Шапо Люба (она же – Амурчик) каждый год делала аборт от постоянного любовника и в захлест делилась опытом с неопытными девушками. Лариса, хотя и была неопытной девушкой, но предпочитала учиться на собственных ошибках. На её взгляд, ближе всех к любви находилась Власовка, которая отказалась от четырёх браков по расчёту. Она, как и Лариса, жаждала высокой любви... правда, по национальному признаку. На факультете Власовка слыла большой оригиналкой, гонялась за всеми московскими арабами – по очереди и планировала создать счастливую русско-арабскую семью. Лариса входила в её положение, но любовь себе представляла несколько иначе. По её глубокому убеждению, любовь пренебрегает любыми границами – и национальными, и социальными, и всеми остальными.

Воистину, Лариса вполне созрела для самого непредвиденного чувства – лишь бы оно было настоящим.

³ Надин Шапо.

2

На перевалочном пункте собралось много народу. Толпа была разношёрстная, похожая на заблудившуюся паству, в растерянности ожидавшую осведомлённого пастыря. Можно сказать, что Ларисе повезло: она встретила своего гуру в лице симпатичного – льноволосого и васильковоглазого – преподавателя телевизионной науки. Иван Иванович (так звали преподавателя) вернулся в Алжир после «больших каникул», буквально разбухал от переполнявших его познаний, которыми делился с приглянувшейся переводчицей. Девушка, открытая всем ветрам и наукам, как губка впитывала новейшую информацию. Иван Иванович производил впечатление человека строгого, но справедливого. В ожидании затянувшегося распределения они с Ларисой коротали время за чашкой чая и завлекательными разговорами об алжирских порядках. Вернее, Иван Иванович всё больше говорил, а Лариса всё больше слушала. Порой соперничала, порой задавала интересующие её вопросы.

Лариса: «Иван Иванович, скажите, пожалуйста, как к вам относятся местные жи тели?»

Иван Иванович: «Хорошо относятся. Главное, Лариса, обходите стороной острые углы. Мы с вами будем работать с кабийскими стажёрами. Это народ вспыльчивый, но отходчивый».

Лариса: «А почему вы решили, что мы будем работать вместе?»

Иван Иванович: «А разве это не решённый вопрос? Я замолвил за вас словечко. Будете служить переводчицей в телевизионной секции. В Алжире телевизионный мастер – очень уважаемая и высокооплачиваемая профессия. Ко мне приезжают издалека с просьбой починить аппаратуру».

Лариса: «И что – хорошо платят?»

Иван Иванович: «Я не беру с них денег!»

Лариса: «Вы, я вижу, бессребреник. А в каком городе мы будем работать?»

Иван Иванович: «В Сиди-Аише. Там есть так называемый Центр обучения. Наша специальность – самая уважаемая. Стажёры – самые грамотные и взрослые».

Лариса: «Красивый город?»

Иван Иванович: «Обыкновенный город... недурной наружности. Есть эти... как их... бутики, рынок, мечеть – всё как полагается. Но мы будем жить в нашем Центре. За ворота лучше пореже выходить».

Лариса: «Это ещё почему?»

Иван Иванович: «Рискованно. Африканцы – народ диковатый. Но вы не бойтесь. Слушайте меня – и всё будет хорошо. Мы там хорошо живём».

Лариса: «А как вы питаетесь?»

Иван Иванович: «Я бы сказал: с пользой для организма. Запоминайте: апельсины очень дешёвые. Мясо – дороговатое, и яйца – тоже. Что греха таить: приходится экономить. Хочу купить машину. Лично я ем в семье. Но в Центре есть хорошая и доступная столовая. Можете взять её на заметку».

В поисках поддержки Иван Иванович впери л свой васильковый взор в жену Зою Львовну и сына Алёшу. Жена и сын, в качестве живых свидетелей, подтвердили его правоту. Они эскортировали Иван Ивановича, всегда готовые прийти ему на помощь.

Устав от обилия впечатлений, Лариса шла отдохнуть в спальное помещение. Оно, как правило, оживало только после полуночи. Неподалёку возвышалось роскошное пробковое дерево. Лариса узнала его без подсказок, хотя в натуре лицезрела впервые в жизни. Кто-то умудрился его раскурочить – и девушка очарованно всматривалась в образовавшееся отверстие, заполненное невероятным количеством бутылочных пробок. Пощипав приятную на ощупь пробку, Лариса ленивой от жары походкой шествовала в глухое помещение и располагалась на скрипучей кровати поверх казённого одеяла. Подушка у неё была собственная. Кто-

то из алжирских завсегдатаев рекомендовал ей захватить домашнюю подушку, так как изнеженные европейские затылки приходят в негодность от жёстких алжирских валиков. Строго говоря, перевалочный пункт, хотя и находился в Алжире, к алжирской жизни не имел никакого отношения. Здесь всё, кроме природы, было узнаваемо, своё, русское, вернее – советское.

Додумать Лариса не успела, потому что в комнату ввалились развесёлые Света и Лена. Света, как всегда, была безупречно одета и накрашена, а Лена, как всегда, удерживала на голове смехотворную пляжную шляпу.

«Мадмуазель Лариса, – ещё больше развеселилась Света, – вам никто не говорил, что вы весьма сексуальны в этой позе?»

«В отличие от вас, мадам, я не замужем и не знаю, что это такое».

«Умереть и не встать: эта пигалица, – Света ласково обняла Ленины плечи, – замужняя дама».

«Да ну? – Лариса неприкрыто удивилась. – Кстати, у вас, у замужних дам, что – так принято: вставать чуть свет и будить невинных девушек?»

«Извини, ради бога, – Света посерьёзнела. – Привычка – вторая натура. Муж просыпается рано, а я – ещё раньше, чтобы скрыть от него бигуди».

Лариса вонзила в Свету оценивающий взгляд:

«У вас в Куйбышеве все замужние дамы такие... образцовые?»

«И невинные девушки – тоже. К нам приезжают женихи со всего Советского Союза».

«Слушайте, что я выяснила! – крикнула Лена из-под соломенной шляпы. – Мне сказали по секрету, что все арабы – сексуально озабочены и очень опасны для европейских женщин. С сегодняшнего дня обхожусь без косметики».

«Я, пожалуй, тоже», – прикинула Лариса.

«А я никак не могу, – разгорячилась Света. – У меня под глазами страшные синяки. Без косметики буду выглядеть, как огородное пугало».

Раздался громкий и уверенный стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, в комнату решительным шагом вошёл молодой, но очень представительный мужчина.

«Вы позволите, девушки? – мужчина не забыл про вежливость. – Кого я вижу! Светочка! Мой персональный привет. Вы хорошеете не по дням, а по часам».

«Желаете побыть наедине?» – двусмысленно спросила Лариса.

«Ну что вы, можете остаться», – не заметил подтекста мужчина.

«Присаживайтесь, Сергей Юрьевич», – приятно улыбнулась Света.

Лариса церемонно отвернулась от Сергея Юрьевича, а Лена, фыркнув, заспешила на улицу, натянув до ушей умопомрачительную шляпу.

Лариса прикрыла глаза веками, но уши оставила открытыми.

«Куда рассчитываете распределиться?» – проникновенно спросил Сергей Юрьевич.

«Пока неизвестно. Но я надеюсь на вашу помощь», – сделала глазки Светлана.

Ларисой овладел необоримый стыд. Она импульсивно бросилась вон – подальше от зорной парочки. Побежала попить чайку – и напоролась на Иван Иваныча.

3

Сиди-Аиш встретил девушку пышным букетом североафриканской природы. Тонкие запахи били в нос, пьянили, завораживали. До испепеляющей жары ещё было время, и у зелени пока хватало сил для сопротивления всепожирающему солнцу. Насладившись картиной природы, Лариса коснулась тяжёлой головой пухлой подушки – и провалилась в безбрежный, сумеречный сон. Она блуждала в потёмках всю ночь и половину следующего дня, не видя выхода из положения. Помог барабанный стук в дверь. Девушка прозрела и крикнула: «Входите!»

Перед ней предстал лучезарный Иван Иванович во главе неизменных родственников. Лариса отметила в уме смену его облика. В комнате находился не взрослый мужчина, а взрослый мальчишка со стеклянной банкой в руках. В банке бились белые насекомые, очень похожие на скорпиончиков. «Как у вас вкусно пахнет», – потянул носом Иван Иванович.

Лариса вспомнила, что перед сном она облила себя духами, чтобы перебить запах пота, который нечем было смыть на перевалочном пункте. От самого Иван Ивановича разлило новообретённой чистотой, льняные волосы были зачёсаны назад – до самого затылка, васильковые глаза будили воображение бездонной глубиной, напоминая о необъятных российских просторах.

«Это французские духи», – неохотно пояснила Лариса. «От девушки должен исходить натуральный запах», – вступила в разговор Зоя Львовна. Лариса собралась посмеяться потихоньку, но передумала – и расхохоталась на весь Сиди-Аиш. Она давно знала, что смех у неё мелодичный, переливчатый и очень нравится мужчинам. Иван Иванович не спускал с девушки масляных глаз. «Пойдём скорее готовиться», – не вытерпела Зоя Львовна. Но Иван Иванович не послушал супругу и долго ждал, когда Лариса отсмеётся. «Какая у меня переводчица», – возрадовался преподаватель. Девушку покорило, но ей удалось промолчать. «Я зачем пришёл, – Иван Иванович выставил напоказ банку с насекомыми. – Я сегодня наловил скорпионов, смотрите, изучайте, только руками не трогайте. Если попадутся в горах или ещё где-нибудь, обходите стороной. Очень опасная тварь».

Ларисе стало жутко интересно. Она вознамерилась побежать к скорпиончикам, но быстро уразумела, что находится в чужой стране, в чужой квартире и в чужой кровати в прозрачной ночной рубашке – напротив чужого мужчины. Прикрывшись простынёй, девушка попросила мужчину выйти из комнаты – вместе с семьёй и со скорпиончиками.

«Сию секунду, – попятился Иван Иванович. – Да, чуть не забыл. Шеф миссии созывает всех к шести часам. (Васильковые глаза Иван Ивановича стали серыми.) У вас в запасе целых два часа. Успеете принять душ и принарядиться». Предупредив переводчицу, Иван Иванович ещё с минуту переминался с ноги на ногу, после чего пулей вылетел из Ларисиной комнаты, влекомый Зоей Львовной и Алёшей.

Оставшись наедине со своими мыслями, Лариса присмотрелась и прислушалась. Комната была крохотной, с минимальным количеством мебели, голыми стенами и кафельным полом. «Надо занавесить окно и чем-нибудь украсить стены, – первым делом наметила девушка. – Кафельный пол, наверное, призван спасти меня от летней жары. А зимой? Что я буду делать зимой? Придётся его чем-нибудь прикрыть». Она кое-как оделась и пошла на звуки человеческого голоса. Высунувшись в окно, Лариса увидела худого красивого мальчика и красивую худую женщину – они разговаривали на мудрёном языке. Большинство слов, бесспорно, были французские, причём правильно произнесённые и употреблённые; вместе с тем речь пестрила множеством непонятных звуков, далёких от французского языка.

«Хотелось бы знать, как я буду это переводить», – заволновалась девушка. Она напрягла все чувства – и расслышала слово «ара» в устах кабийского подростка. Переводчица полностью запуталась, так как, по её сведениям, это слово являлось принадлежностью армянской нации. «Лучше не засорять голову всяким мусором», – решила Лариса и, как на праздник, отправилась в ванную комнату принимать прохладительный душ. Ванная оказалась европейски цивилизованной; да и вся квартира мало отличалась от типичной московской новостройки. Она состояла из трёх разновеликих комнат, отдельного санузла, довольно просторной кухни и такой же прихожей. Только на кухне Лариса сообразила, что за день успела проголодаться. В холодильнике лежали какие-то продукты, но она не осмелилась ими воспользоваться. Девушка

разложила на кухонном столе еду, которую унесла из перевалочного пункта. За этим занятием её застала Зоя Львовна.

«Приятного тебе аппетита, Лариса. Это ничего, что я на ты?» – «Спасибо. Ничего страшного». – «Ты можешь поставить чайник. Только воду бери не из крана, а из этих банок». – «Почему?» – «Тебе Иван Иванович разве не рассказывал?» – «Что вы имеете в виду?» – «Вода здесь не чистая. Мы наливаем её в банки и долго отстаиваем. Можешь приготовить себе чай». – «Спасибо». – «Спасибо скажешь потом. Сначала пойдём в ванную». – «С какой стати?» – «Тебе что – трудно пройти в ванную? Возомнили о себе». – «Кто что о себе возомнил?» – «Вы считаете, что если вы изучили иностранные языки, то вы лучше всех? Правильно говорят знающие люди: с вами надо что-то делать». – «И что же с нами надо делать?» – «Не знаю, что. Ты пойдёшь в ванную?» – «Хорошо, я иду».

«Сложный случай», – констатировала Лариса и проследовала в ванную комнату по стопам взвинченной Зои Львовны. Лариса была чистоплотной девушкой и искренне удивилась, когда Зоя Львовна устроила ей выволочку.

«Я, как каторжная, тружусь от зари до зари, а эти приезжают и гадят», – выла она в поте лица. «Вы говорите голословно, – упрекнула её Лариса. – Что именно вам не нравится?» «Вот здесь грязь, а здесь вода», – тараторила Зоя Львовна. «Хорошо, я уберу. Успокойтесь, пожалуйста».

Зоя Львовна ушла доругиваться на кухню, а Лариса взялась отыскивать несуществующую грязь. Как и следовало ожидать, поиски ни к чему не привели, но из благородных побуждений она ещё раз вымыла пол до нестерпимого блеска. «Это очень сложный случай», – утвердилась во мнении Лариса, мельком взглянув на Зою Львовну, носящуюся по квартире с горящим взглядом. «Я закончила уборку», – сообщила девушка нервической женщине.

Зоя Львовна вломилась в ванную с тряпкой наготове, обследовала каждый сантиметр помещения, смахнула невидимую пыль и только после всего этого несколько успокоилась. «Может быть, у неё не все дома? – заподозрила Лариса. – Необходимо убить болезнь, пока не поздно». Девушка почувствовала, что, против своей воли, заражается нервозностью Зои Львовны. Она очень не любила выяснять отношения, но пришла к выводу, что без Иван Ивановича ей не обойтись.

Преподаватель сидел в гостиной, уткнувшись в газету, и изо всех сил делал вид, что происходящее его никак не касается. «Иван Иванович, мне очень неприятно, но я вынуждена вас просить повлиять на жену». Иван Иванович перевёл взгляд с газеты на носки своих тапочек и сказал твёрдым тоном:

«Зоя, прекрати сейчас же». Зоя Львовна завелась вторично и закричала с пеной у рта: «Я целый месяц глаз не смыкала, когда мы сюда въехали, убирала грязь за этими арабами!» «Кабилами, – исправил ошибку Иван Иванович. – Мы с тобой потом поговорим». «Может, нет никакой грязи», – пригнулась к полу Зоя Львовна. «Вот видите, Лариса, жена извиняется за своё несдержанное поведение. Вы готовы? Нам уже пора к шефу миссии».

«Как только он произносит “шеф миссии”, его глаза из васильковых сразу же становятся серыми, – подметила остроглазая переводчица. – Любопытно: что из себя представляет наш начальник?»

Судя по первому впечатлению, шеф миссии был экстравагантным человеком. Он встретил подчинённых спиной, на четвереньках, разглядывающим на полу что-то интересное. «Это не худший вариант», – пожал плечами его жена. Тем не менее все присутствующие хранили уважительное молчание. Именно они составляли советскую миссию в Сиди-Аише, которую с некоторых пор возглавлял коленопреклонённый шеф. Миссия была небольшой: к шефу примыкали два преподавателя, три мастера – с пятью жёнами, четырьмя детьми и тремя переводчицами. Все они уместились в неприглядной гостиной, которую семья шефа делила с семьёй телевизионного мастера. Натешившись вдосталь, шеф Илья Борисович поднялся с пола и пре-

вратился в высокого, по-кабийски худого седовласого мужчину лет сорока. Поблёскивая стёклами очков, он приветливо улыбнулся и нарочитым басом поздравил всех с началом новой жизни. Дети ответили бурными возгласами и оживлённой стайкой убежали в другую комнату. За ними потянулась было маленькая Алсу, но мама усадила крошку на колени. Дождавшись, когда все устроятся поудобней, шеф снова обаятельно улыбнулся и обратился к присутствующим с вступительной речью. Из неё Лариса узнала, что все они, подобно космонавтам в космическом корабле, ограничены пространством и, как цепью, скованы общей целью. Цель заключалась в том, чтобы сообща выжить в дружественной, но неведомой стране без физических и нравственных потерь.

«Насчёт космонавтов это чрезвычайно важно, – распрямив сутулую спину, солидно произнёс Иван Иванович. – Между прочим, среди алжирских космонавтов я могу считаться ветераном. Здесь я даром время не терял и укреплял советско-алжирские связи. Я наладил отношения с мусье Мустаки, на попечении которого находится всё имущество Центра. От имени миссии я пригласил к себе мусье Мустаки для знакомства с новыми советскими работниками. Я надеюсь, возражений нет?»

«Что-то я не припомню, чтобы я вас уполномочивал», – сдержанно возразил Илья Борисович. Немного подумал и благожелательно добавил: «Полагаю, что мы прислушаемся к мнению ветерана. Будем укреплять советско-алжирскую дружбу».

«Моё присутствие понадобится?» – утвердительно спросила старшая переводчица Земфира Наумовна.

«Вы и так перегружены работой, – посочувствовал ей Иван Иванович. – У меня есть своя переводчица. И потом я сам немножко говорю по-французски».

«Я не являюсь ничьей собственностью», – вспыхнула Лариса.

«Милочка, пора привыкать к нашей жизни, – вздохнула Земфира Наумовна. – Вы здесь ещё не такое услышите».

«А я не желаю», – насупилась Лариса.

«Девочки, не надо обижаться, – примирительным тоном сказал Илья Борисович. – Не забывайте: мы с вами космонавты в космическом корабле».

«Я тоже космонавт?» – съязвила жена шефа Татьяна Игоревна.

«Вы у нас космонавт номер один», – широко улыбнулся Илья Борисович.

«В таком случае я имею право на сносное существование».

«Татьяна Игоревна, не сомневайтесь: мы все имеем право на сносное существование», – поддержал её Иван Иванович.

«Тогда почему вы проживаете вместе с одной переводчицей, а мы с мужем на тех же метрах ютимся с целой семьёй?»

«Танюша, – не переставал улыбаться Илья Борисович, – так сложились обстоятельства. И потом Андрей с Надеждой нам уже не чужие».

«Кстати, а почему бы не поселить вместе всех переводчиц?» – выразила желание Лариса.

«Чтобы вы устроили вот такой бардак?» – «весомо, грубо, зримо» показал Пётр Фомич.

«Да как вы смеете?!» – всплеснула руками Лариса.

«Пётр Фомич не то хотел сказать, – поморщился Илья Борисович. – Селить переводчиц в одной квартире... гм... нерационально. Друзья мои, уже поздний вечер. Детям давно пора спать. Нам тоже не мешает хорошенько выспаться, учитывая, что завтра нам предстоит первое знакомство с новой работой. Всем спокойной ночи и успехов в труде».

4

Телевизионная секция затерялась в самом конце Центра обучения, так что по дороге Лариса успела кое-что рассмотреть. Центр был застроен одноэтажными и двухэтажными зданиями, предназначенными для работы и проживания. С трёх сторон его территория была защищена надёжными стенами, а с четвёртой – ещё более надёжными Атласскими горами. Вглядываясь в романтические горы, девушка испытала головокружительное притяжение.

В обыденную действительность её вернул заунывный голос Иван Иваныча, который выполнял обязанности гида. «Посмотрите направо, – гнусавил Иван Иваныч. – Вы видите перед собой учебное помещение для теоретических занятий. Класс обустроен моими собственными руками. Налево расположен ещё один класс для практических занятий. Андрею Владимировичу предстоит довести его до кондиции».

«Salut, Monsieur Ivan, – раздался сдвоенный баритон. – Ça va?»⁴

Лариса вздрогнула от неожиданности – и увидела двух молодых красивых мужчин. «Интересно, они здесь все такие красивые?» – первым делом подумала девушка. Между тем мужчины были не одинаково красивы. Оба отличались ожидаемой худобой и светлой кожей, но на этом сходство заканчивалось. Разница в возрасте, по-видимому, была незначительной, но тот, что помоложе, с миловидным лицом и волнистыми волосами, выглядел, как юный Давид, а тот, что постарше, с греческим профилем и выдающимися плечами, – как зрелый Геракл. «И почему они одетые?» – не удержалась Лариса от ёрнических мыслей. Времени для дальнейших мыслей у неё не было, так как она вспомнила, для чего приехала в Алжир. «Господин говорит...» – начала переводить Лариса, но её перебил Иван Иваныч. «Салют, салют, – засуетился степенный мужчина. – Конечно, «сова». Ещё какая «сова». Са интерпрет Лариса. Можно рэгардэ и экутэ. Но па тушэ»⁵.

Лариса побелела от унижения и ошетилилась на Иван Иваныча. Она впопыхах напридумала кучу бесполезных слов, принялась их излагать – и совершенно сбилась с толку. «Soyez la bienvenue, Mademoiselle»⁶, – наклонил голову «Геракл». «Спасибо», – по-русски ответила Лариса, издала неясный звук и закрыла рот обеими руками. «Геракл» посмотрел на девушку мужским взглядом, игриво улыбнулся, вразвалочку подошёл к Иван Иванычу и со словами «Ça va, Monsieur Ivan»⁷, – больно шлёпнул его по жирному плечу. Русский преподаватель стойчески стерпел боль, угодливо захихикал и, как козёл, заматал льняной головой. Что означал сей жест, Ларисе не было доподлинно известно, зато она отчётливо осознала, что принимала Иван Иваныча за совсем другого человека. В ней были уязвлены человеческое достоинство, чувство патриотизма и женская гордость одновременно. Ей ужасно хотелось предпринять что-нибудь эдакое, но она не знала – что именно.

«Mademoiselle, voulez-vous traduire quelques mots?»⁸ – дружелюбно попросил «Давид», прерывая затянувшуюся паузу. «Je suis à votre service»⁹, – отчеканила фразу Лариса. Она запоздало включилась в длинный французский монолог и поэтому не всё усвоила, как следует. Не подлежало сомнению то, что красивые кабилские мужчины были практикантами, призванными алжирской властью приумножить навыки и умения под руководством «grands

⁴ Привет, месье Иван... Как дела?

⁵ Игра слов: ça va (са ва) – всё в порядке, далее: это переводчица... смотреть... слушать... не трогать (*искаж. фр.*).

⁶ Добро пожаловать, мадмуазель.

⁷ всё в порядке, месье Иван.

⁸ Мадмуазель, переведите, пожалуйста, несколько слов.

⁹ Я к вашим услугам.

spécialistes russes»¹⁰. «Давида» в действительности звали Смаилом, а «Геракла» – Морисом. После того, как Смаил представился сам и представил своего напарника, он долго распространялся по поводу предстоящей учёбы. Ларисиному уха коснулось множество специальных терминов, которые ни с чем не ассоциировались. По институтской привычке она проявила смекалку и перевела услышанное с большой степенью вероятности.

«Когда начнутся занятия?» – не понял Иван Иванович. «Скоро», – одним духом ответила Лариса. «Pas bientôt»¹¹, – украдкой подсказал Смаил. «Не скоро», – не моргнув глазом, внесла поправку переводчица. «Как не скоро? Почему не скоро? – пришёл в движение Иван Иванович. – Лариса, вы тут пообщайтесь с практикантами, а я побегу выяснять, в чём дело». «Ne courez pas si vite!»¹² – крикнул ему вдогонку Морис. Ларису задела его излишняя непринуждённость, но ей было не до выяснения отношений. «Если на то пошло, Иван Иванович – не малое дитя, и я ему не нянька», – успокоила себя девушка.

«Vous savez que vous êtes belle?»¹³ – завораживающим голосом выговорил Морис. Однако комплимент не произвёл на Ларису должного впечатления. «Je sais, – ответила девушка, – mais je suis pressée»¹⁴. Она желала немедленно расстаться с практикантами по двум причинам: во-первых, им определённо не хватало чувства меры, и было архиважно наставить их на путь истинный; во-вторых, чтобы реализовать далеко идущие планы, Ларисе предстояло усовершенствовать свой французский язык – «aux couleurs locales»¹⁵.

Попрощавшись с практикантами профессиональной улыбкой переводчицы, девушка устремила в своё алжирское жилище. Там её подстерегла Зоя Львовна – и планы пришлось отложить на потом. Ларису перестали шокировать повадки этой женщины, но привыкать к хамству она не собиралась. «А в чём, собственно, дело?» – вырвалась из грязных рук разгневанная девушка. «Мы ждём в гости мусье Мустаки. Придёт шеф со своей мымрой. Надо это... сервировать стол». – «Вы меня имеете в виду? Но я хотела заняться французским языком». «Я что – всё одна должна делать?!» – зычно закричала Зоя Львовна. «Это какое-то непотребство, – нахмурилась Лариса. – Ну хорошо. На сей раз я вам помогу».

На самом деле Зоя Львовна вполне могла обойтись своими силами. Стол был непритязательным, хотя и обогащённым московскими шоколадными конфетами, московским же чёрным хлебом и – главное – бутылкой «Столичной» водки. «Вот здесь будет сидеть мусье Мустаки, – придвинула стул Зоя Львовна, – около него – Иван Иванович и шеф миссии, потом – его мымра, за ней – хозяйка дома, то есть я, а это – твоё место. Запомнила?» Лариса почувствовала непреодолимое отвращение к этой мелочной мещанке, к её столу, а заодно – к Алжиру и к французскому языку. «Ça va pas»¹⁶, – мысленно оборвала себя переводчица. – Необходимо развеяться, отвлечься от гнетущей обстановки – и как можно скорее. Не откладывай на послезавтра то, что можно сделать завтра. Завтра же и начну – с прогулки в Атласских горах». «Ты долго будешь стоять?! – опять завизжала приставучая Зоя Львовна. – Иди встречай гостей». Лариса сверкнула на неё глазами, скрипнула зубами – и пошла открывать дверь. Её взору представилась возбуждённая троица: Иван Иванович, Илья Борисович и Татьяна Игоревна. Они не переставая обсуждали главную новость дня: перенос занятий на неопределённый срок. «А в чём причина?» – наострила ушки переводчица. «Неизвестно. Узнаем у месье Мустаки», – ответил озабоченный шеф.

¹⁰ больших русских специалистов.

¹¹ Не скоро.

¹² Не бегите так быстро.

¹³ Вы знаете, что вы красивы?

¹⁴ Я знаю... но я тороплюсь.

¹⁵ с учётом местного колорита.

¹⁶ Так не годится.

Месье Мустаки прибыл без всяких проволочек. Это был француз кабилльской национальности. В этом смысле он превосходил святостью самого Папу Римского: отменные манеры, блистательное остроумие, неиссякаемый оптимизм. Он почти не притронулся к еде, только попил водочку и закусывал диковинным хлебом и причудливыми конфетами. Месье Мустаки немедленно взял разговор на себя. Он превознёс Францию, где ежегодно отдыхал от работы и многодетной семьи; похвалил русскую еду; пригласил советских специалистов в столовую, которая находилась в его ведении. Речь у месье Мустаки была по-книжному правильной, зато её легко было переводить. Через полчаса чревоугодия русские не устояли против соблазна и затащили «Катюшу». «О чём эта песня?» – спросил в меру пьяный месье Мустаки у подвыпившей переводчицы. «О русской любви», – кратко перевела Лариса. За «Катюшей» последовали «Ой, мороз, мороз...» и «Огней так много золотых...» Месье Мустаки неизменно интересовался содержанием песен, а Лариса не баловала его разнообразием перевода.

После шестой песни в дымке никотина обрисовалась Земфира Наумовна с сумкой через плечо. «Как вы здесь без меня обходитесь?» – раскрылась старшая переводчица. «Да как будто получается», – холодно отреагировал шеф миссии. «Земфирочка, проходите, проходите. Мы без вас как без рук. Правда, мусье Мустаки?» Алжирский гость не знал русского языка, тем не менее счёл своим долгом ответить хозяйке дома ослепительной улыбкой. «Я её сейчас задую», – решила Лариса, но пожалела тощую шею Зои Львовны – и ограничилась безобидным жестом. Шеф перехватил её жест и с задумчивым видом подлил месье Мустаки водки в опустевшую рюмку. «Я уверена, что Лариса прекрасно справляется с переводом», – устранила натянутость Земфиры Наумовны.

Иван Иваныч, который молчал весь вечер, не рискуя принародно общаться с гостем на тарабарском языке, под занавес посмел себя проявить: «Мусье Мустаки, сильвупле, пуркуа нон лезетюд?»¹⁷ Лариса утаила издёвку и придала вопросу приемлемую форму. «Les intérêts nationaux ont dicté la situation»¹⁸, – сосредоточенно пояснил алжирский администратор.

Земфира Наумовна извлекла из сумки магнитофон – и он запел беспредельным голосом Шарля Азнавура. «Я объявляю белый танец», – провозгласила Земфира Наумовна на русском и французском языках и ангажировала месье Мустаки. Илья Борисович что-то сказал жене, затем подошёл к Ларисе и полусуто-полусерьёзно склонил перед ней свою рано побелевшую голову. Лариса очень любила танцевать, а под Шарля Азнавура – особенно. Она положила узкие кисти рук на начальственные плечи и прониклась чувством абсолютного покоя. «Ну что – очень плохо?» – шепнул шеф миссии на витиеватое ушко. «Пока терпимо», – шепнула в ответ почти что счастливая девушка. «Завтра приходите к нам в гости. Мы с Татьяной Игоревной будем очень рады». Илья Борисович улыбнулся Ларисе такой вдохновенной улыбкой, что утончённая девушка не могла на неё не ответить. «Хорошо, приду», – улыбнулась глазами Лариса и положила голову на крепкое мужское плечо.

«Который год я учу месье Мустаки танцевать по-европейски», – напомнила о себе Земфира Наумовна, когда танцующие вернулись к застолью. Алжирский гость уступил старшей переводчице своё место и слонялся по комнате, как неприкаянный. «Месье Мустаки интересуется национальным вопросом в Советском Союзе», – продолжала гнуть свою линию Земфира Наумовна. «И что же вы ему рассказали?» – официальным тоном спросил Илья Борисович. «Не беспокойтесь. Я рассказала чистую правду. В нашей стране все нации имеют равные права. Существуют национальные учебные заведения, печать, радио, телевидение и так далее. Короче говоря, в Советском Союзе нет таких ущемлённых наций, как кабилльская». «А разве кабиллы ущемлены в правах?» – засомневалась Лариса. «Это ни к чему», – вмешался Илья Борисович.

¹⁷ ...пожалуйста, почему нет учебных занятий? (Искаж. фр.)

¹⁸ Ситуацию определяют национальные интересы.

«Je suis ivre mort»¹⁹, – пожаловался Ларисе месье Мустаки. «Moi aussi»²⁰, – поддержала его отзывчивая девушка. «Что он сказал?» – вытянул шею Иван Иванович. «Сказал, что мертвецки пьян», – перевела для него Лариса. «Товарищи! – как на собрании, выступил Иван Иванович. – Месье Мустаки устал. Уже одиннадцатый час. У него большая семья, и дети его заждались...» «Именно это я хотел сказать, – повысил голос шеф миссии. – Мы не смеем задерживать уважаемого гостя. От имени всей миссии выражаю уверенность в том, что сегодня мы совместными усилиями заложили прочный фундамент хороших взаимоотношений. Лариса, будьте добры, переведите мои слова месье Мустаки». Алжирский представитель с пафосом поблагодарил всех присутствующих за истинно русское гостеприимство и пригласил «grands spécialistes russes»²¹ к себе домой на кус-кус. «Я вас провожу?» – предложил помощь Илья Борисович. Но месье Мустаки почему-то выбрал в провожатые Ларису. Когда девушка открыла ему дверь, она поняла, почему. На лестничной площадке месье Мустаки перестал хранить в желудке адскую смесь и выплеснул её на свежeweымытые ступени. На первом этаже захлопали входные двери. Всем своим видом Лариса показала, что ничего особенного не произошло, и, пошатываясь, вернулась к столу. Она убедилась в том, что праздник не утихал, а, напротив, разгорался с новой силой. «Земфирочка, включайте свою музыку, – кокетливо попросила Зоя Львовна. – Я объявляю белый танец. Илья Борисович, можно вас пригласить?» Но Земфира Наумовна поступила наперекор хозяйке. От её сложных манипуляций магнитофон затрясся и разразился зажигательным «Распутиным». Лариса не заметила, как ноги вынесли её на середину комнаты. Сначала тело забилося в конвульсиях, потом угомонилось и дало волю рукам; ноги вышли из повиновения и стали выделять сногшибательные колена. Лариса больше не воспринимала своё тело: может быть, умерла и улетела на небо? а может быть, растворилась в танце, как сахар в чае?

Магнитофон умолк на полуслове – и девушка упала с неба на землю. В комнате повисла грузная тишина. Лариса, как обнажённая маха, лежала под раздевающими взглядами ошеломлённых мужчин и женщин. Первые воспаляли её тело огнём влечения, а вторые жгли душу чёрной завистью. Ларисе почудилось, что это продолжалось целую вечность. Когда вечность истекла, шеф взорвал тишину звучными рукоплесканиями. Его примеру последовал Иван Иванович. «Ребёнка разбудишь!» – Зоя Львовна обхватила мужа железной хваткой. «Я думаю, пора расходиться, – скусилась Земфира Наумовна. – А ты неплохо танцуешь, девушка. Заходи – вместе потанцуем. Ничего, что я на ты?» «Пожалуйста», – ответила Лариса, а внутренне содрогнулась от ужаса: «Господи, куда я попала? Зверинец какой-то! Хотя... как я могла забыть? Это не зверинец, это профтех – что ещё хуже. Профтех – он и в Африке профтех».

«Великолепно танцуете, – шеф измерил взглядом хрупкую девичью фигуру. – Научите?» «Могу прямо сейчас», – взмахнула руками Лариса. «Сейчас уже поздно. Лучше завтра. Ждём... Жду», – понизил голос Илья Борисович – и удалился по-английски вслед за молчаливой супругой.

Девушка ещё долго разбиралась в своих переживаниях: неги, конечно, не было, но не было и следа былой брезгливости. А что же всё-таки было? Не подлежало сомнению то, что каждую клеточку организма наполнило изумительное торжество победителя. Это было ни с чем не сравнимое чувство. «Триумф лучше любви», – убедила себя Лариса, выпила, не закусывая, рюмку водки и, стараясь не расплескать, понесла свою победу в тесноватую комнату. Завтра в девять ноль-ноль она как штык должна быть на рабочем месте.

«Уже сегодня», – спохватилась Лариса – и отдалась воле освежающего, бодрящего сна.

¹⁹ Я мертвецки пьян.

²⁰ Я тоже.

²¹ больших русских специалистов.

5

На рабочем месте её поджидал Морис. Он подался навстречу девушке, жадно вобрал в себя изысканный аромат её духов и томным взглядом впился в порозовевшее от замешательства ухоженное лицо. Лариса отшатнулась от пылкого африканского мужчины и отгородилась от него показным равнодушием.

«Bonjour, Monsieur»²², – бесстрастно поздоровалась девушка.

«Enchanté, Mademoiselle»²³, – страстно ответил Морис.

Он приблизился к Ларисе вплотную, обеими руками бережно взял её правую руку и испробовал прозрачную кожу лёгким поцелуем. Потом оторвал губы, выдержал паузу – и запечатлел поцелуй на бугорке ладони. Мозг неукоснительно требовал от Ларисы отдернуть руку и возмутиться. Повинуясь рационализму, девушка спрятала руки за спиной и приготовилась к отпору. На иконописном лице Мориса выделялись большие чёрные глаза и припухлые алые губы. Мужчина заглянул в изнывающую душу – и девушку до глубины души пронизал загадочный, как сказка Шахразады, обволакивающий взор. Властным движением Морис завладел рафинированной ручкой и стал покрывать её заразительными поцелуями. Каждое прикосновение сопровождалось в жаждущем любви теле оглушительным ударом грома. Побитое тело обмякло, стало послушным и уступчивым. Лариса пыталась не смотреть на яркие мужские губы. Мозг стремился образумить потерявшую стыд девушку, но ни за что на свете она не хотела отказаться от неизреченного наслаждения, которое сконцентрировалось внизу живота.

«C'est tout pour aujourd'hui, biou»²⁴, – отпустил девушку африканец, отошёл в сторону и залюбовался делом своих рук и губ.

За этим занятием его застал Иван Иванович. «Кескесэ?»²⁵ – недоверчиво покосился он на молодых людей. «Ça va, Monsieur Ivan, ça va bien»²⁶, – утешительно произнёс Морис и что есть силы потрепал русского наставника по терпеливому плечу. Иван Иванович перевёл взгляд на Ларису. «Всё о'кей. Обмениваемся опытом», – туманно объяснила находчивая переводчица. «У²⁷ Смайл?» – поинтересовался у Мориса Иван Иванович. «Il va venir»²⁸, – отмахнулся от него практикант.

«Лариса, сегодня целиком подтвердилось, что занятия начнутся не скоро. Мы с Морисом пойдём в мастерскую, поможем Андрею Владимировичу. А у вас будет достаточно времени, чтобы изучить телевизионные термины. И почему этому не учат в институте?» – развёл руками Иван Иванович. «Всему научить невозможно, – как маленькому, пояснила Лариса. – А почему вы позволяете кабилам амикошонствовать?» «Ами... чего?» – наморщил лоб Иван Иванович. «Распускать руки», – доходчиво интерпретировала девушка. «Что бы понимала! Это политика, девчонка! Мы все здесь дипломаты!» – Иван Иванович раскрыл рот и стал хватать воздух, как выброшенная на берег рыба. Вспомнил, что он – человек, выпрямился – и пулей вылетел из аудитории. Морис с интересом посмотрел на русских, ухмыльнулся – и последовал за Иван Ивановичем.

«Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», – услышала Лариса внутренний голос. «Не кричи. Это что такое?» – чуть не оглохла девушка. «Это твоя совесть», – торжественно объ-

²² Здравствуйте, месье.

²³ В восторге, мадмуазель.

²⁴ На сегодня всё, драгоценность.

²⁵ Что это такое? (Искаж. фр.)

²⁶ Всё в порядке, месье Иван, всё хорошо.

²⁷ Где (ou).

²⁸ Он сейчас придёт.

явил голос. «Ты что имеешь в виду?» – «Не понимаешь? Чем ты лучше Иван Иваныча?» – «Да как ты смеешь? У меня... это... любовь». – «Разве ты его любишь?» «Кажется, нет... Конечно нет, – наконец, образумилась Лариса. – Хорошенькое начало рабочего дня. Пора бы приступить к делу. А над тем, что произошло, придётся поразмыслить на досуге». Переводчица устроилась за одним из столов, разложила словари, записи своей предшественницы и погрузилась в захватывающий мир знаков, символов и значений. Натренированный мозг работал, как превосходно отлаженный механизм.

Через полчаса Лариса ощутила укол в затылок – и хорошо запомнившееся блаженство внизу живота. Она обернулась – и взгляд наткнулся на сексапильного практиканта. Кабельский красавец зачаровывал девушку своей неудержимой похотью. «Меня так ещё никто не соблазнял, – скрепя сердце признала Лариса. – Русские мужчины так не умеют». Она понимала, что должна что-то предпринять, но не нашла ничего лучше, как закрыть глаза. «*Viou*»²⁹, – призывно произнёс коварный искуситель, послал предмету любви чарующий поцелуй – и, разминая руки, временно отступил в мастерскую. «Чтоб тебе пусто было!» – в сердцах воскликнула девушка – и заколыхалась от чувственного дуновения, как рожь – от порыва ветра. «Так не годится, – Лариса открыла глаза, мобилизовала все силы и умственные способности. – Как там говорит Иван Иваныч? В чужой стране мы – дипломаты? Надо перевести разговор внутрь себя. Что же делать? Как *этому* противостоять? Даже пожаловаться некому. Попробую себя уговорить. Это же Африка – источник рабов. Морис – представитель порабождённого народа. Я для него – белая женщина. Он для меня – дремучий дикарь. Всё. Уговорила. Теперь можно продолжить работу».

Через следующие полчаса девушка опять почувствовала укол в затылок и, как следствие, всеобъемлющее бессилие. Решила не отзываться, собралась в комок и в невероятном напряжении дождалась ухода чародея.

«*Bonjour, Mademoiselle. Ça va?*»³⁰ – место Мориса без задержек занял Смаил.

«Как же они любят эту сову», – насторожилась девушка. Однако никакой эротики она в себе не обнаружила, облегчённо вздохнула и второпях откликнулась на приветствие, рассчитывая отдохнуть в разговоре.

Это был реальный план: Смаил оказался располагающим собеседником. Из разговора с ним Лариса уяснила, что он – холост, но в любой момент готов жениться; что его отец – зажиточный человек и имеет собственный бутик; что у них в доме есть даже цветной телевизор; что он сам хорошо зарабатывает ремонтом радио- и телеаппаратуры. В благодарность за доверие девушка рассказала о себе всё, что нашла нужным рассказать.

«*Etes-vous athée, Mademoiselle?*»³¹ – осторожно спросил юноша.

«*Oui, Monsieur*»³², – подтвердила принципиальная девушка.

Её ответ вызвал у Смаила такой бешеный блеск в глазах, что бедная переводчица снова оробела. «Бог мой, и этот туда же», – уныло подумала Лариса. К счастью, скоро выяснилось, что её опасения были преждевременными, ибо в глазах Смаила загорелся факел веры. Битый час он приобщал Ларису к тайнам ислама. В довольно корявых выражениях убеждённый мусульманин разъяснял заблудшей атеистке, что Аллах есть дух со всеми вытекающими последствиями. Расслабленная девушка была способна подтвердить самое невероятное. На этом удовлетворённый Смаил объявил диспут закрытым, вновь превратился в усердного практиканта и, покинув Ларису, пристроился к «*grands spécialistes russes*»³³.

²⁹ Драгоценность.

³⁰ Здравствуйте, мадмуазель. Как дела?

³¹ Вы атеистка, мадмуазель?

³² Да, месье.

³³ большим русским специалистам.

Пока суть да дело, рабочий день подошёл к концу. Лариса ни на секунду не задержалась в аудитории. Она вдохнула спёртый воздух Центра, поперхнулась и зажала нос. «Там, в горах, воздух чистый и свежий», – воспарила мыслью переводчица. Горы были совсем рядом – рукой подать и притягивали Ларису, как магнит железо. Не долго думая, девушка поправила причёску – и пошла на встречу с природой. Лариса с детства боялась высоты, но Атласские горы её не пугали. Они напоминали экзальтированной москвичке родные Ленинские горы, только покрытые не липами да берёзками, а оливами и фисташками. Лариса бодро вышагивала по долговечному асфальту, иногда мимо проходили приветливые люди и проезжали не менее приветливые автомобили. Внимание девушки привлекли забавные шарики, которые облепили линии электропередач. Она восторгалась ими, как ёлочными украшениями, пока не извлекла из памяти, что их применяют, чтобы провода не провисали.

Время шло незаметно и дошло до того момента, когда у Ларисы разыгрался аппетит. «Меня же приглашал к себе Илья Борисович, прибавлю шагу, там и поем», – задумала само-надеянная девушка. И она угадала: к её приходу Татьяна Игоревна приготовила чайный стол – с камамбером в придачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.